

УДК 39(439)

3. Надь

В ПОИСКАХ РОДНЫХ СРЕДИ ЧУЖИХ. ВЕНГЕРСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В РОССИИ В ПЕРИОД АВСТРО-ВЕНГРИИ

В статье анализируются этнографические исследования венгерских ученых в России на рубеже XIX–XX в. Научные изыскания, связанные с территорией России, занимают особое место в венгерской этнографии. Изучение востока было продиктовано стремлением воссоздать древнюю историю мадьяр: поиском сородичей. Интерес к такого рода проблемам во многом был продиктован положением Венгрии в империи Габсбургов, развитием капиталистических отношений, пробуждением венгерского национального самосознания. В изучении проблемы происхождения венгерского народа важное внимание уделялось языку. К кон. XIX в. финно-угорское происхождение венгерского языка для ученых стало очевидным. Осколки древней истории мадьяр стали искать в культуре финно-угорских народов. Было организовано несколько экспедиций для изучения обских угров. В отличие от европейских и российских исследований, венгерское изучение хантов и манси ориентировалось не на поиск экзотики и особенных этнических черт, а на изучение общего в культурах мадьяр и обских угров. Кроме того, Россия привлекала венгерских этнографов с точки зрения поисков прародины венгров, реконструкции путей их миграций, а также характера культурного их взаимодействия с другими народами до обретения родины. Сформировавшийся на рубеже XIX–XX вв. этнос венгерских этнологических исследований в России определял направление венгерских исследований до нач. 1990-х гг. Одна из причин – в том, что с началом Первой мировой войны регулярные венгерские исследования на территории России практически прекратились, и возобновятся только в нач. 1990-х гг.

Ключевые слова: венгерская этнография, венгерские этнографы, Австро-Венгрия, Россия, финно-угры, венгры, история этнографии, прародина венгров, ханты, манси.

В венгерских этнологических изысканиях особая роль всегда отводилась исследованиям, нацеленным на восток: на Россию – или проходящим через Россию. Венгрия никогда не была колониальной империей, так что исследования «чужих» культур не могли быть сфокусированы на подчиненных стране территориях. Интерес венгерских исследователей отпределялся в первую очередь тем, что на востоке они предполагали и искали родственников венгерского языка и народа. Об этой

ориентации в рамках общих венгерских этнологических исследований свидетельствует огромное количество научных трудов, посвященных восточным народам; формирование системы этнографических институций, или даже то, что и сегодня в Отделении этнологии НИИ этнографии Венгерской АН большая часть сотрудников занимается исследованием народов Сибири, Монголии и Средней Азии.

В данной работе мы стремимся показать, как сформировалась эта ориентация. Точнее – поставить вопрос, есть ли или было ли у венгерской этнологии, находящейся в тесной связи с исследованиями родства, какая-нибудь особая эпистема, этос, отличавшие её от других европейских или российских исследований. На рубеже XIX–XX вв. эта тема в современных венгерских исследованиях получила особое место, и сейчас формируется исследовательская группа, ставящая целью раскрыть историю и особенности тех организованных Венгрией и Австро-Венгерской Монархией экспедиций, которые были направлены в Россию и на её периферию.

Осознание факта, что в рамках Европы венгерский язык не имеет родственных языков, а венгры – родственных народов, т. е. невыясненность венгерского этногенеза, уже с XVIII в. обусловили значительный интерес к поиску родственных связей.

Политическое положение страны в империи Габсбургов, прочная связь интеллигенции с дворянским сословием, провозглашающих родство гуннов и венгров; исторические хроникальные традиции и представление о венграх как потомках конных кочевников (что было своего рода «славным историческим прошлым») вызвали искания, означавшие потребность найти, в первую очередь, героических богатырей – восточных предков. Проблематика поисков родства и восточные исследования были неотделимы друг от друга.

Оживающее национальное самосознание поставило Венгрию и венгров между двух миров, подчеркнув их особое положение между восточной и западной культурами. Старинную западную культуру возвели к славным восточным корням, подчеркнув, что венгерская культура продолжает лучшие традиции обеих культурных сфер, создавая тем самым особо ценную культуру.

Интерес к востоку еще более повысился после праздника тысячелетия существования Венгрии, миллениума (1896) и длительных к нему приготовлений. С одной стороны, это вдохновило на исследование происхождения и культуры венгров и других народов, проживающих в Венгрии: с этой целью был построен первый в стране музей под открытым небом, а также издано огромное количество книг. С другой стороны, огромные инвестиции дали толчок западающему развитию капитализма в Венгрии, создав материальные условия для деятельности научных учреждений, благодаря чему к кон. XIX в. в Венгрии было институционализировано изучение востока. Ранее, уже в 1830 г., начала свою деятельность Венгерская Академия Наук (ВАН), в которой изначально большой вес имели лингвистические исследования, в том числе – финно-угорские. В 1872 г. в будапештском университете создали самостоятельную кафедру сравнительного алтайского языкознания, за несколько десятилетий до появления в Венгрии кафедры этнографии. В том же году ВАН начинает издавать Лингвистический вестник, изначально ставший важным форумом исследований и по алтаистике, и по финно-угористике. В институционализации этнографии восточные исследования играли значительную роль, так как

в Венгерском Национальном музее появилось Этнографическая коллекция, сначала составленная из этнографических экспонатов, привезенных Анталом Регули из его путешествия по России, а затем дополненная коллекцией Яноша Ксантуса; в 1872 г. она будет преобразована в самостоятельное этнографическое отделение музея. И в организации Венгерского этнографического общества (1889), и в превращении Этнографического музея в самостоятельную научную мастерскую, и в начавшемся на рубеже веков издании и выборе профиля этнографических журналов значительную роль играли ученые-этнографы и лингвисты, проводившие свои исследования среди народов, считавшихся родственными.

В рассматриваемый период общественный интерес к происхождению венгерского народа как основополагающему национальному вопросу оказывал огромное влияние, помимо науки, и на литературу, и на искусство. Именно лингвистические исследования сыграли выдающуюся роль в формировании венгерского национального пробуждения, венгерского национального самознания. Неслучайно Бенедикт Андерсон назвал это время «филологической революцией» [Anderson 1991, 67–82]. Соответственно в центр внимания попала и вызвала серьёзный резонанс в печати дискуссия прежде всего лингвистического характера, имевшая целью прояснить происхождение венгерского языка и получившая название «угро-тюркской войны». Главной темой было тюркское или финно-угорское происхождение венгерской народности.

Несмотря на антипатию общественного мнения, к кон. XIX в. и научной очевидностью в Венгрии стали родственные связи венгерского языка с финно-угорскими. Поскольку в это время вопрос языкового родства был тесно связан с мыслью о родстве народов, то есть с предполагаемым культурным и генетическим родством, понятно, что исследователи этого периода, стремясь описать историю культуры венгерского народа, в своих ретроспективных изысканиях не остановились на эпохе обретения родины; на востоке, в первую очередь среди финно-угорских народов, они искали истоки ранней истории венгерской народности.

В 1888–89 гг. по инициативе Венгерской Академии Наук лингвист Бернат Мункачи и этнограф Карой Папай совершили исследовательскую поездку в Сибирь. В их задачи входили расшифровка на месте непереуверенных на венгерский язык записок выдающегося путешественника XIX в. Антала Регули и в связи с этим продолжение разнообразных исследований обско-угорских народов. Десять лет спустя (в 1897–98 гг.) прошла третья экспедиция любителя и покровителя наук графа Йене Зичи, целью которой было выяснить происхождение венгров. Среди членов экспедиции мы вновь встречаем этнографа, выдающегося венгерского ученого того времени Яноша Янко и его спутника, лингвиста Йожефа Папай; они тоже объехали территории Западной Сибири, на которых проживали обско-угорские народы. О вопросах, связанных с идейными и методологическими проблемами этих двух важнейших экспедиций, еще будет сказано.

Хотя вопрос языкового родства к кон. XIX в. в целом прояснился с научной точки зрения, однако основополагающей проблемой остается вопрос, означает ли это родство только языковые связи или же следует говорить о более сложном родстве народа, выражаясь более ранним термином – о родстве расы. Мункачи сформулировал этот вопрос следующим образом: «Насколько согласован взгляд

науки на происхождение венгерского языка и его родственные связи, настолько не решен еще вопрос о происхождении венгерской расы, то есть действительно ли тюркского происхождения в основе своей венгерский народ или, что на основании языка кажется более естественным, финно-угорского происхождения» [Munkácsi 1889, 211].

Таким образом, возникают две проблемы: генетического родства и культурного родства. Четверо рассмотренных нами исследователей (исключая, может быть, Янко) полностью отдавали себе отчет в том, что эти вещи нельзя смешивать, поскольку из одной из них не следует другая. По мнению Кароя Папай, «языковое родство не подлежит никакому сомнению и его не нужно подтверждать антропологическими и этнографическими фактами, как и нельзя такими фактами опровергнуть. Первая задача в этой области – анализ, разложение проблемы родства на главные части. Язык, физический тип, образ жизни и обычаи находятся и изменяются под влиянием различных факторов. (...) Выяснение родственных связей в той или иной области является предметом отдельного исследования» [Rárai 1890, 128]. Йожеф Папай прямо так и пишет: «...сегодня мы уже не осмеливаемся говорить об этнологическом родстве, а языковое родство бесспорно ясно и понятно» [Ráray 1906, 185]. Вопреки этому, отправной точкой их исследований все же был язык: подтверждается ли культурная и антропологическая связь народов, родственных по языку? Уяснение сущности культурного родства было первейшей задачей этнографов двух экспедиций, при этом они были подготовлены и в области физической антропологии: провели такие измерения и собрали антропологические данные. Не случайно в третьей экспедиции графа Зичи принимал участие также археолог.

Предположение о доминирующей роли языка при установлении родства имели и методологические последствия. Поскольку этнографическую литературу по данному вопросу и сведения, относящиеся к данным народам, считали недостаточными, то при установлении связей полагались главным образом на язык, как заявил об этом Карой Папай: «В области этнографии при сравнении пока что нашим проводником будет лингвистика» [Rárai 1890, 129].

Янош Янко в своем произведении, посвященном происхождению рыболовства, определяет строгую методику, в которой вопрос языка, источника термина, считается решающим при определении происхождения некоторых орудий. По его мнению, языковой материал может помочь, с одной стороны, в том случае, когда предметов материальной культуры недостаточно для сравнения, и только на языковые факты можно опираться; а с другой – если какое-либо орудие встречается не только у венгров, но и еще у нескольких народов, то с уверенностью можно утверждать, что мы переняли его у того народа, из языка которого происходит сам термин [Jankó 1900a, 41]. Методика Яноша Янко оказала огромное влияние и на финских исследователей. Теория финно-угорской этнографии, разработанная Сирелиусом (который учился непосредственно у Янко) и лингвистом Сетяля, еще десятки лет пользовалась типолого-генетической методикой, восходящей к Янко.

То, что рассматриваемые народы считались родственными, и определило интересы ученых. В культуре ханты и манси, которые во время экспедиций вели образ жизни, коренным образом отличавшийся от венгерского, в противовес

европейским и российским исследованиям, видели не экзотику, искали не чужие, странные, особенные элементы, а исследовали исключительно схожие элементы, общие для двух культур, призванные подтвердить предполагаемые связи. Такой подход, конечно, был изначально избирательным: ранняя культура обско-угорских народов в холистической полноте не интересовала исследователей, они обращали внимание исключительно только на древние элементы, называя все современные факты искажающим картину русским влиянием.

Все это мы можем увидеть и в деталях, если зададим вопрос, почему Янош Янко изучал рыболовство. Этому есть практическое, техническое объяснение. В 1887 г. вышел гигантский, двухтомный, исключительно богатый материалом труд Отто Германа о венгерском рыболовстве, представленном как один из самых изученных вопросов в рамках этнографии. Все же, как пишет Янко: «при выборе этнографических целей основанием могло быть только то, какие области нашей этнографии уже достаточно основательно изучены, так как об успешных сравнительных исследованиях может идти речь только тогда, когда мы в равной степени знаем элементы сравниваемого материала как венгерские, так и относящиеся к российской территории» [Jankó 1900a, 10]. В то же время по крайней мере такое же значение имеет тот факт, что Герман отнес рыболовство – наряду с пастушеством – к древнейшим занятиям. Это, с одной стороны, означает, что он считал рыболовство одним из самых главных способов добывания пищи для человечества, потому что от оно, по его определению, «бесспорно во все времена в значительной степени зависело выживание человека; на формирование и развитие этого промысла самым непосредственным образом влияла настоятельная необходимость, голод; а поскольку она требует и требует постоянного удовлетворения и сегодня, орудия рыболовства, их хождение развились уже очень рано». С другой стороны, Герман считал доказанным, что рыболовство – это древний элемент венгерской культуры, на что указывают: 1) выбор места жительства венграми и их предками во все периоды истории, 2) историческая специальная лексика древнего происхождения, 3) разнообразная древняя техника рыболовства венгерского происхождения, 4) и то, что письменные памятники всегда упоминали венгров как народ-рыболов. Таким образом, рыболовство – это та область, как говорил Янко, ссылаясь на Германа, где точно можно установить и проследить связь венгерской культуры с культурами других финно-угорских народов. Хотя Янко в своей книге решительно опровергал статус рыболовства как «древнейшего промысла», эта теория всё же однозначно определила формулировку темы.

Нельзя считать случайным и то, что наряду с рыболовством Янош Янко хотел подробно исследовать родство венгерской древней религии с шаманизмом. Этот вопрос объясняется той же самой двойственностью: трактовка венгерской древней веры как шаманизма к тому времени уже имела серьезные традиции в специальной литературе [Dömötör 1990]; с другой же стороны, в то время восточное происхождение венгерской религии считали практически неоспоримым. Янко не удалось основательно изучить этот вопрос, была опубликована только краткая серия статей о шаманизме [Jankó 1900b].

Родство как движущий принцип исследований финно-угорских народов (в первую очередь в работах Янко) означает и то, что в изучаемых этносах на

самом деле видели не инородные культуры, а более ранние формы собственной культуры. Точнее, по сравнению с русскими и европейскими исследованиями того времени, подчеркивали не примитивность этих культурных элементов, не то, что они свидетельствуют о ранних ступенях развития, а доказывали их древность, их архаизм. Оба подхода поместили в историческую перспективу тогдашние культурные явления, однако в то время, как одни видели в них начальные культурные ступени всеобщей человеческой цивилизации, другие смотрели на них как на источники собственной культуры, находя в простоте их совершенство. Предательская, пронизанная симпатией и в то же время оправдывающая мысль Берната Мункачи: «Справедливо по причине всего этого принимаются научным миром во внимание и изучаются записанные вогульские языковые сокровища особенно у нас, мы из них получили памятный дар, наследство одного из ряда живущих, уже исчезающего родственного народа, благодаря достоинствам и талантам которого наверняка славнее могла бы быть его роль в истории человечества, если бы суровые политические и географические условия не воспрепятствовали этому» [Munkácsi 1892–1902, 3].

Этот подход определил также и то, как называть ту науку, которой они занимаются. Симптоматична трактовка Яноша Янко, целью которого, и в венгерских, и в финно-угорских, и в российских исследованиях, было изучить венгерскую культуру как можно более основательно, с точки зрения не только описательной (синхронной), но и исторической.

Таким образом, цель его исследований следовало бы назвать не сравнительной, а древнеисторической. Не случайно и то, что работы на местности он проводил в Венгрии, Финляндии и в России. Через изучение трех крайних географических точек он считал бесспорно познаваемой культуру всех живущих в этом треугольнике финно-угорских народов, ибо достаточно их охарактеризовать по тому, где они размещаются в системе координат, построенной этими тремя типами. В то же время, с точки зрения диахронии, он рассчитывал увидеть в них три центра истории венгерской культуры: он видел в этих точках, наряду с современным, культурное состояние на период обретения родины и формирования венгерской народности. По его определению, «финно-угорские народы живут в огромном треугольнике, вершины углов которого образуют венгерский, финский и остяцкий народы. По собранным до сих пор материалам можно констатировать, что в материальной этнической культуре остяки стоят на самом примитивном уровне, за ними следуют финны, материальная этническая культура которых примерно соответствует состоянию венгров, живших на венгерской земле в первые столетия, и, наконец, сами венгры, материальная этническая культура которых самая развитая. Из этого следует, что, принимая во внимание географическое положение, материальная этническая культура всех прочих финно-угорских народов располагается между этими тремя уровнями, ближе то к одному, то к другому; как только мы узнаем всю материальную этническую культуру трех угловых народов, тут же нам дана этнография всех финно-угорских народов» [Jankó 2000, 25].

Российские территории, вследствие этого подхода, основанного на родстве, утратили свой чужой, далёкий характер, так как они явились таким местом, прародиной, где жили древние предки венгров. И вновь процитируем Янко: «Более

долгая часть жизни нашего народа до обретения родины прошла на русских территориях, там и до нашего времени живут те народы или их потомки, которые были нашими соседями, культура которых повлияла на нашу, там живут наши родственники по языку; итак, если мы хотим узнать нашу древнюю историю, если мы хотим понять оставшиеся с того времени элементы нашей этнографии, нам нужно вернуться туда, откуда мы пришли: на русские территории». Вопрос о прародине осложняется тем, что считающиеся самыми близкими родственниками и одновременно с этим, по их мнению, ведущие самый древний образ жизни ханты и манси не могут рассматриваться как коренные жители территорий, на которых они проживали в то время. Как писал Йожеф Папай, «Только одно совершенно точно. Это не что иное, как факт, что вовсе не из этой Югории выселились венгры. Прародину нужно искать в другом месте» [Páray 1906, 185]. Поэтому вопрос для них скорее стоял так: их исследования могут пролить свет и на вопрос о венгерской (финно-угорской, уральской) прародине. В конце книги о рыболовстве Янко попытался определить возможное место прародины с помощью названий рыб и распространения некоторых видов рыб, и этим он рассчитывал представить доказательство очень распространенной в то время теории Волго-Камской прародины.

Поскольку на ученых большое влияние оказывала теория Ратцеля, они считали важным показать путь венгров от предполагаемой прародины до Карпат. Это означало не только нарисовать географический путь, но в то же время и учесть все влияния, которые могли затронуть венгерскую культуру за время миграций. Отправной точкой и здесь была лингвистика. Бернат Мункачи, изучая этимологию рыболовецкой лексики и названий металлов, показал, что в истории венгерского языка самыми важными были угорское, тюркское, славянское и немецкое влияния. Особая заслуга Мункачи, что он привлек внимание к арийскому (или иранскому) и кавказскому влиянию на венгерский язык, из которых первое кажется очень древним, относящимся еще к периоду угорской общности. Это было важным потому, что в то время из-за признания тюркского родства казалось очевидным, что иранские элементы попали в венгерский через посредничество турецкого [Kálmán 1981, 74]. К похожему выводу пришел и Янош Янко, который (принимая во внимание исследования Мункачи) в связи с рыболовецкими историческими слоями смог показать те же влияния. Венгерскую культуру – и в то же время культуру восточных народов – таким образом, по образцу истории языка того времени считали мозаичным конгломератом элементов, заимствованных (или «исконных») у разных народов в разное время, когда задачей исследователя становится, с одной стороны, разделение различных по происхождению культурных элементов, с другой – установление происхождения отдельных элементов, описание истории культуры часто независимо от других элементов.

Странным образом стремление открыть в российских финно-угорских народах своих родственников вообще не привело к сближению с отдельными хантами или манси с такой симпатией, эмпатией, какую предполагает вера в родство. Осознание культурного превосходства, которое мы могли увидеть в теории треугольника Яноша Янко, главным образом, определило наши личные связи. Народы ханты и манси они не считали равными себе, якобы примитивизм их образа жизни утомлял, иногда ужасал их: снисходительно, не учитывая интересов местных жителей,

разграбляли их культурные и лингвистические ценности. Редким исключением из этого были только Бернат Мункачи и Карой Папай, которые в ходе работ на местности дают свидетельство непривычного для их времени гуманизма.

Мы полагаем, бесспорно, что эти ученые считали свою работу главным образом древнеисторической. В то же время они, конечно, знали об общей культурнонаучной постановке вопросов, важность которых также подчеркивали в своих работах. Бернат Мункачи пишет об этом, что «не только из фольклора нашего собственного народа, но и из содержащихся в вогульском фольклоре археологических данных большую пользу может извлечь и общая древняя история и история развития человечества, множество вопросов которой может найти здесь подтверждающие и разъясняющие материалы, часто выбрать правильное направление» [Munkácsi 1892–1902, 3].

Наряду с ним Карой Папай тоже посчитал себя обязанным следовать целям, выходящим за рамки древней истории: «Какими бы интересными ни представлялись сегодня мои исследования вопроса о родстве, у них всегда останется собственная ценность с общеантропологической и этнографической точек зрения. Эти точки зрения были не менее важны, чем вопросы родства, в моей деятельности. Более того, может быть они даже более важны лично для меня. Для того, кто отдает себя этнографическим изысканиям, кто видит цель этнографии в исследовании начальных стадий развития живущих сегодня народов, что может быть более чудесным, чем возможность заглянуть в среду малоизвестных, первобытных народов, в их изучение. Это чудо тем больше, если мы можем проводить наши исследования в среде такого народа, язык которого родственен нашему, древнее прошлое которого может быть общим с нашим прошлым» [Papai 1890, 129–130]. В единственном вышедшем аналитическом сочинении его, в котором он писал о вогульском браке, действительно поставлены скорее эволюционные вопросы, чем вопросы древней истории. Может быть, причина двойной постановки вопроса и колебания в подходах к ним кроются в том, что свои исследования ученые называли то этнографическими, то этнологическими.

Думается, что из сказанного выше вырисовывается особая картина венгерских этнологических исследований, ведущая в Россию. Правда, проанализированные примеры относятся к рубежу XIX–XX вв., этот этос определял направление венгерских исследований до нач. 1990 гг. Сыграло роль и то, что с началом Первой мировой войны регулярные венгерские исследования на территории России практически прекратились, и только в нач. 1990-х начались снова. Дальнейшую жизнь данной этнографической парадигмы обусловила двойная организационная структура этой области науки: этнологические исследования российских, сибирских народов и народов внутренней Азии проводились не только в системе этнографических институций, но и несколько отдельно от нее в мастерских финно-угористики и алтаистики, что однозначно отделило их от главного направления международных этнологических, антропологических исследований. В 1990-е гг. все больше ученых, в первую очередь – молодых, получили возможность продолжительной работы на местности; в своих работах они уже хотели не рефлексировать по поводу проблем родства, а заниматься такими общими вопросами, которые имеют определяющее значение и в международных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London – New York: Verso, 1991. 224 p.

Dömötör T. A magyar néphitkutatás története és főbb kérdései // Magyar Néprajz VII. Népszokás, néphit, népi vallásosság. Budapest: Akadémiai, 1990. 501–526. old.

Jankó J. A magyar halászat eredete – Herkunft der magyarischen Fischerei. Zichy Jenő gróf előleges beszámolójával. I–II. kötet. (Zichy Jenő gróf harmadik ázsiai utazása. I. kötet.). Budapest – Leipzig: Hornyánszky V. – Karl W. Hiersemann, 1900a.

Jankó J. Adatok a sámán vallás megismeréséhez // Ethnographia. 1900b. № 11. 211–220; 257–268; 326–333; 345–352; 394–399; 446–450. old.

Jankó J. II. jelentésem a Ministerhez // Utazás OsztyákJöldre 1898. (Series Historica Ethnographiae 11). Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000. 400 l.

Kálmán B. Munkácsi Bernát (A múlt magyar tudósai). Budapest: Akadémiai, 1981.

Munkácsi B. Nyelvészeti tanulmányutam a vogulok földjén // Budapesti Szemle. 1889. № 60. 206–238; 382–408. old.

Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. I. kötet. Regék és énekek a világ teremtéséről. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1892–1902.

Pápai K. A vogulok és osztyákoknál // Ethnographia. 1890. I. 3. 117–130. old.

Pápay J. Az osztyákok földjén // Földrajzi Közlemények. 1906. (34/3,5). 77–96; 172–185. old.

Поступила в редакцию 11.10.2017

Надь Золтан,

PhD, руководитель Отдела европейской этнологии
и культурной антропологии,
Печский университет
7633, Венгрия, г. Печ, Szántó Kovács J. u. 1/B.
e-mail: nagy.zoltan@pte.hu

Z. Nagy

**In Search of Proxy Allies. Hungarian Researchers
in Russia in Period of Austro-Hungarian Empire**

The paper analyzes ethnographic studies of the Hungarian scholars in Russia at the turn of the 19th century. Scientific research related to the territory of Russia, occupies a special place in the Hungarian ethnography. The study of the east was dictated by the desire to recreate the ancient history of the Magyars and by the search of the countrymen. Interest to this kind of problems was largely dictated by the position of Hungary in the Habsburg Empire, the development of capitalist relations, the awakening of the Hungarian national identity. In studying the problem of the Hungarian people origin an important attention was paid to language. By the end of the XIX century the Finno-Ugrian origin of the Hungarian language became evident for scholars. Splinters of the Magyars' ancient history began to be sought in the culture of the Finno-Ugrian peoples. Several expeditions were organized to study the Ob Ugrians. Unlike European and Russian studies, the Hungarian study of the Khanty and Mansi did not focus on the search of exotics or special ethnic features, but on the study of the common in the cultures of the Magyars and Ob Ugrians. In addition, Russia attracted Hungarian ethnographers from the point of view of search for the ancestral homeland of the Hungarians, reconstructing their migration routes, as well as the nature of their cultural interaction with other peoples prior to the acquisition of

their homeland. Formed at the turn of the XIX-XX centuries, ethnos of Hungarian ethnological studies in Russia determined the direction of Hungarian studies till 1990s. One of the reasons is that, with the outbreak of the First World War, regular Hungarian studies on Russian territory practically ceased, and resumed only in the beginning of 1990s.

Keywords: Hungarian ethnography, Hungarian ethnographers, Austro-Hungarian Empire, Russia, Finno-Ugric peoples, Hungarians, history of ethnography, Hungarian ancestral homeland, Khanty, Mansi.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 4, pp. 139–148. In Russian.

REFERENCES

Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London – New York: Verso, 1991. 224 p.

Dömötör T. A magyar néphitkutatás története és főbb kérdései. *Magyar Néprajz VII. Népszokás, néphit, népi vallásosság.* Budapest: Akadémiai, 1990. Pp. 501–526.

Jankó J. *A magyar halászat eredete – Herkunft der magyarischen Fischerei. Zichy Jenő gróf előleges beszámolójával. I–II. kötet. (Zichy Jenő gróf harmadik ázsiai utazása. I. kötet.)* Budapest – Leipzig: Hornyánszky V. – Karl W. Hiersemann, 1900a.

Jankó J. Adatok a sámán vallás megismeréséhez. *Ethnographia.* 1900b. № 11. Pp. 211–220; 257–268; 326–333; 345–352; 394–399; 446–450.

Jankó J. II. jelentésem a Ministerhez. *Utazás Osztyákföldre 1898. (Series Historica Ethnographiae 11).* Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000. 400 p.

Kálmán B. *Munkácsi Bernát (A múlt magyar tudósai).* Budapest: Akadémiai, 1981.

Munkácsi B. Nyelvészeti tanulmányutam a vogulok földjén. *Budapesti Szemle.* 1889. № 60. Pp. 206–238; 382–408.

Munkácsi B. *Vogul népköltési gyűjtemény. I. kötet. Regék és énekek a világ teremtéséről. Vogul szövegek és fordításaik.* Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1892–1902.

Pápai K. A vogulok és osztyákoknál. *Ethnographia.* 1890. I. 3. Pp. 117–130.

Pápay J. Az osztyákok földjén. *Földrajzi Közlemények.* 1906. (34/3,5). Pp. 77–96; 172–185.

Received 11.10.2017

Zoltán Nagy,

PhD, Director of the Department of Ethnography and Cultural Anthropology,
University of Pécs
1/B, Szántó Kovács J. u., Pécs, 7633, Hungary
e-mail: nagy.zoltan@pte.hu